

Часть 1

Алеша.

На восьмой день похода я понял, что дальше идти не могу.

Несмотря на все заботы ребят, грипп делал свое черное дело.

Тягач-вездеход, механиком-водителем, которого я был, заодно выполнял и все другие обязанности по механической части, остальное законсервированным до весны на базе.

Нести на руках меня было некому, все и так были перегружены. Кто-то вспомнил, что в стороне от нашего пути, километрах в 15, должна быть стационарная метеостанция.

Я решительно отказался от провожатых, встал на лыжи, набросил на плечи рюкзак и двинулся в путь под сомнительными взглядами друзей.

Беда подстерегает всегда неожиданно: снег подо мной внезапно осел и я оказался по пояс в воде. Под снегом была полынья, и меня угораздило ввалиться в нее. Потеряв лыжи я с трудом вылез на снег.

Как проделал остаток пути — не помню. Помню только, что у двери метеостанции я попытался встать, но ноги не держали меня и я рухнул на крыльцо. Очнулся я быстро. Проворные девичьи руки уже раздели меня и растирали спиртом. Через 10 минут я лежал под двумя одеялами и пил крепкий чай пополам со спиртом. Проснулся я на следующий день поздно. За окном было светло. — Девушки — позвал я.

Из комнаты вышла молодая блондинка, одетая в светло-серый костюм «джерси», который выгодно подчеркивал ее великолепно развитые формы.

— Скажите, пожалуйста, где я могу видеть начальника станции и не знаете ли вы передана радиограмма в партию, что я благополучно добрался?

Блондинка улыбнулась и ответила, что радиограмма передана, а начальника станции Наталью Васильевну Кузнецову я вижу перед собой. — А это, она указала на стоящую в дверях вторую девушку мой заместитель — Лия Владимировна Волина. А про вас мы уже знаем. Вы инженер-механик геологической экспедиции Снежин Алексей — она на мгновение запнулась.

— Иванович — подсказал я.

Так состоялось мое знакомство с двумя... не знаю только слова. Вообще с людьми, чья судьба стала моей судьбой.

Часть 2

НАТАША.

Мы с Лией подруги с самого детства. Жили в одном доме, учились в одном институте и до 4 курса были неразлучными. Вместе на танцах, вместе на лекциях, вместе готовились к экзаменам. В конце 4 курса я вышла замуж за аспиранта Володю, который вел у нас практические занятия. После этого мы с Лией стали встречаться реже. Я занималась устройством жизни, наслаждалась новыми для меня ощущениями и чувствами физической близости с мужчиной. Я любила Володю. Мы были молодыми, здоровыми, и, после непродолжительного естественного периода пробуждения чувств (до замужества я была девушкой) самозабвенно отдавалась преснувшейся во мне страсти к любовным утехам. Володя был опытнее меня. Хотя он мне этого никогда не говорил, я догадывалась, что до меня у него были женщины. Но прошлое его меня не тревожило. Я наслаждалась настоящим. До замужества я была в совершенном неведении относительно интимной стороны семейной жизни, т. е. теоретически я знала, что происходит между мужем и женой в постели, да и подружки иногда ради хвастовства рассказывали отдельные эпизоды из своих походов, но я им не особенно верила, думала нарочно сочиняют, чтобы приукрасить фактическую прозу половых отношений. Я немного занималась спортом, была здоровой, всегда в гуще подруг и товарищей и требования пола ощущала слабо. Только в последние полгода перед замужеством, когда наши отношения с Володей от поцелуев перешли к более интимным, по ночам я чувствовала томление и мысленно пыталась представить себе, как все это будет. Одно время меня мучил вопрос, как при нем я буду называть свою... и его... , и какими словами он скажет мне о своем желании... меня. В действительности все оказалось значительно проще и первое время слов для обозначения этого нам не требовалось. Чувство острого любопытства после первого раза сменилось чувством легкого разочарования. Мне было немного больно, стыдно и все произошло так быстро, что я не успела до конца ощутить все это. Когда Володя ощутил на пальцах мою кровь, он целовал меня, говорил мне всякие глупые слова, но от попыток воспользоваться своим супружеским правом в ту ночь еще раз благоразумно отказался.

В течение трех-четырех недель я не испытывала особого удовольствия, считая, что просто так надо. Я устраивала свое гнездо, делала разные покупки, гордилась своим положением замужней женщины среди подруг-сокурсниц и вообще была довольна семейной жизнью. Но постепенно я стала получать удовольствие от посещения «другом» моего «домика». «Друг дома», так мы это стали называть, хотя для остроты ощущений, иногда называли вещи своими именами, но это пришло позднее и почти всем словам

научил меня Володя. Ему очень нравилось, когда я просила пря — мо, чего я хочу. Сначала я просто лежала под Володей, но пос — тепенно с его помощью освоила и другие позы. Мне особенно нра — вилось лежать спиной на высоком валике дивана, Володя стоит на полу передо мной и держа меня за ноги, придает им различные положения. В некоторые моменты мне было немножко больно от глубокого погружения в меня головки его... , но это была сла — достная боль, я ее терпела и даже иногда нарочно делала так, чтобы ее почувствовать.

Правда, некоторые желания Володи я в то время не понима — ла, уклонялась от них. Так, я стыдилась заниматься этим при свете и вообще при свете показываться перед Володей голой. Не понимала я и возникавшего у него желания поцеловать мою... Я всегда прикрывала ее, подставляя под поцелуй руки. Теперь-то, став несколько опытнее в этих делах, я понимаю почему Володя при этом оставался недовольным. Он рассчитывал, очевидно, на ответную ласку, а я этого не понимала, а просить об этом он не решался. Я была воспитана в этом отношении в очень строгих правилах и даже не могла помыслить в то время, что между муж — чий и женщиной могут быть какие-то другие способы удовлетво — рения страсти, кроме обычного введения «друга» в «домик». Вообще была наивной дурой, в чем меня жизнь очень быстро и просветила. Не понимала я и Володиного желания самосфотографи — роваться во время наших «посещений». Он приносил несколько раз фотографии на подобные сюжеты, но я не верила, что изображен — ное на фотографиях может доставлять удовольствие и наслаждение мужчине или женщине. Считала, что это нарочно позируют для возбуждения чувств у тех, кто это будет рассматривать. Володя даже увлекся коллекционированием подобных карточек, фотогра — фий. Он иногда рассматривал их, после чего бывал очень возбуж — ден и старался побыстрее загнать меня в постель. Меня же боль — ше в то время устраивало чувствовать в своей... своего мужа, чем рассматривать как это делают другие. Очевидно, Володя пол — ностью удовлетворял меня в то время, как женщину. Я была «сы — та» и, когда у меня возникало желание ощутить в себе движение его... , он всегда шел навстречу и даже с избытком. Детей до окончания мной института мы не хотели иметь и поэтому предох — ранялись иногда резинкой, а иногда, когда Володе да и мне она надоедала, мы просто прерывали все в самую последнюю секунду, так что семя оставалось на простынях или на моих бедрах и жи — воте. Володя вытирал его своими или моими трусиками и они до — вольно часто были в пятнах. Когда Володя преждевременно преры — вался, мне всегда было его жалко, т. к. он не испытывал наслаж — дения до конца. А в то время я не знала как ему помочь. А ведь

это было совсем просто только узнала я это позднее.

После сдачи государственных экзаменов я должна была уехать на преддипломную практику. Тепло распрощавшись с Володей, он в это время как раз собирался куда-то уходить, я пошла на вокзал, где нас должен был встречать староста группы с билетами. К великой радости, билеты он достал только на следующий день, и мы всей группой отправились по домам. Зная, что Володи нет дома, я открыла дверь своим ключом и вошла в коридорчик. У нас с Володей была изолированная однокомнатная квартира. Я поставила чемодан и начала снимать пальто, и вдруг услышала голос Володи. Желая обрадовать его, что судьба подарила нам возможность провести еще один день вместе, я быстро вошла в комнату и...

Поперек дивана, совершенно голая, лежала на спине секрета — тарша нашего ректора Райка. Ноги ее были подняты, согнуты в коленях и широко разведены. Володя полураздетый стоял перед ней на коленях и, положив руки на внутренние стороны ее бедер, жадно целовал Райкину... Глаза Райки были закрыты, на щеках горел румянец, руками она страстно прижимала Володькину крявую голову к своему «домику», в такт поцелуям Райка быстро шептала: «Еще, еще, а потом я тебя»...

Пальто соскользнуло у меня с плеч и с мягким стуком упало на пол. Райка открыла глаза и с недоумением посмотрела на меня. На лице ее быстро сменились выражения растерянности и испуга. Одной рукой она отталкивала Володькину голову, а другой пыталась набросить на себя свалившуюся рядом комбинацию. Володя почувствовал что-то неладное, и повернул голову в мою сторону. Губы, нос и щеки его были влажные, глаза растеряно бежали, переходя с меня на обнаженную Райку. Он вскочил на ноги, и, очевидно, не зная что сказать и делать в создавшейся ситуации, глупо спросил меня: «Ты уже вернулась?»

Я была совершенно растеряна и не знала, что мне делать.

Чувства гнева, стыда, оскорбленного самолюбия переполняли меня. Глаза мои наполнились слезами, и я уже ничего не видела. Совершенно машинально я подняла пальто, повернулась, открыла дверь и вышла на улицу, ноги несли меня прочь. Потом подвернулась какая-то лавочка. Я села на нее и некоторое время сидела без мыслей в голове, уставившись вдаль. Постепенно я начала успокаиваться и думать, что мне делать дальше. Будущее представлялось мне безрадостным, личная жизнь казалась кончившейся навсегда. Потом более земные мысли заняли мое внимание. Нужно было думать о ночлеге. О возвращении домой мысли у меня даже не возникло. Я вспомнила о своей подруге Лии и решила зайти к ней. Документы и деньги к счастью оказались у меня с собой, а

о чемодане с вещами я как-то в это время не думала. Когда я позвонила у квартиры Лии, и только тогда вспомнила, что она не приходила на вокзал, хотя должна была ехать с нами. Дверь мне открыла мать Лии, Антонина Ивановна. Я давно с ней не виде — лась, но зная ее гостеприимный характер, не сомневалась, что она с радостью разрешит мне переночевать у них. Я рано потеря — ла мать (отец в свое время бросил нас) и Антонина Ивановна в какой-то степени заменила мне мать, особенно когда я училась в школе и жила у тетки.

— Наташенька! Как хорошо, что ты пришла, — сказала Анто — нина Ивановна, — Ты так нужна сейчас Лие, она только сегодня говорила о тебе, но мы думали, что ты уже уехала. Я ничего не понимая, что произошло с Лией, зашла в ее комнату. Лия лежала на кровати лицом вниз. Но она сразу вскочила как только услы — шала мой голос.

— Мама, выйди, мне надо поговорить с Наташей.

Антонина Ивановна тревожно посмотрела на нас и вышла, закрыв дверь. Как только за матерью закрылась дверь, Лия бро — силась мне на грудь и разрыдалась.

— Лия, ну перестань, что случилось?

Я как могла успокаивала Лию.

— Наташа, я совершила непоправимую ошибку. Для меня все кончилось!

— Что кончилось?

— Все кончилось! — Жизнь кончилась, счастье кончилось!

Она опять расплакалась.

— Наташа, я больше не девушка. Ты знаешь Тольку Силаева?

Я кивнула

— Толька, подлец, воспользовался тем, что я к нему хорошо относилась. Когда все разошлись, он задержал меня, предложил выпить еще на прощанье, и стал лезть ко мне своими лапами. Я плохо соображала уже, что он делает. Повалил меня на кровать и я... Я даже не могу сказать, что он меня изнасиловал. Я прос — то уже ничего не соображала и не сопротивлялась. Очнулась, когда уже все кончилось. Он гладил меня, бормотал какие-то из — винения. Ненавижу его сальную похотливую рожу! Господи! И та — кому слизняку досталась моя девственность! Наташа, я не могу маме в глаза смотреть. Как я с вами со всеми буду встречаться? Я не могу ходить по улицам, показываться на люди. Мне кажется, что все смотрят на меня и видят, что я уже не девушка, что ме — ня трогали потные, грязные лапы. Если бы ты видела этого гада, когда он раздеет. Меня до сих пор тошнит, только я вспомню это.

Я как могла успокаивала Лию, хотя не меньше ее нуждалась в утешении. Всю ночь мы прошептались в темноте, лежа на одной

кровати, строя планы на будущее и делясь взаимными обидами. Моя история потрясла Лию. Со жгучим любопытством она выспрашивала подробности у меня. К утру было выработано решение: кончить институт, вместе завербоваться на какую-нибудь метеостанцию и постараться обходить мужчин.

Часть 3

ЛИЯ.

Мужчина был очень тяжел. Мы с Наташей с трудом втащили его в аппаратную. Он весь обледенел. Мы стащили с него верхнюю одежду, рубашку, трико, и перенесли на Наташкину кровать. Наташа взяла шерстяной шарф, смочила его спиртом и велела мне растирать его, а сама стала греть воду, возиться с аптечкой. Я растеряно смотрела на распростертого передо мной богатыря заросшего густой рыжеватой бородой, и не знала, с чего начать. Видя мою растерянность, Наташа подошла, решительным движением сняла с пострадавшего трусы, вместо них набросила полотенце и показала как надо растирать, обратив мое внимание на ноги и правую руку, пальцы на которых совсем побелели. Я энергично принялась за дело и через несколько минут пальцы уже не были белыми, а тело порозовело. От моих резких движений полотенце несколько раз сдвигалось, я поправляла его, стараясь не смотреть, что там под ним, но глаза мои время от времени останавливались на полотенце и перед моими глазами вставала картина, которую я видела всего несколько мгновений, пока Наташа не набросила полотенце. Мужчина открыл глаза и что-то проговорил. Я закутала его нашими одеялами и Наташиной шубкой. Наташа стала поить его лекарствами и чаем, а мне велела выходить на связь. Поздно вечером, покончив, наконец, со всеми хлопотами, мы улеглись в моей комнате на кровати. Взволнованная произошедшим событием, я никак не могла уснуть. В памяти вставали картины, навеянные видом тела обнаженного мужчины. Наше решение с Наташей избегать мужчин я переносила довольно легко. Наташе же приходилось труднее. За год супружеской жизни она привыкла регулярно удовлетворять свою страсть, а здесь на отдаленной метеостанции, мы долгое время оставались одни. Однажды непогода занесла к нам на станцию группу туристов. Они переночевали у нас в аппаратной и на следующий день ушли дальше. После их ухода мы обнаружили оставленный датский журнал и три вложенные в него фотографии. Журнал был оставлен, конечно, не случайно, преднамеренно, дабы вогнать в смущение двух одиноких девушек. Наташа рассматривала картинки с определенным пониманием того, что там было изображено. Для меня же каждая картинка была откровением. Когда мы это рассматривали, мы краснели и бледнели, смущенно переглядываясь и старались побыстрее перевернуть на —

ибо более откровенную картинку, а потом острое волнующее любопытство заставляло снова вернуться к ней. Фотографии в журнал были вложены с большим знанием дела и определенным вкусом. Весь журнал был посвящен двум женщинам, удовлетворявшим друг друга без посредства мужчин. Ну прямо для нас с Наташей. Фотографии же были другого рода. На одной из них лежал на спине ногами к объективу обнаженный мужчина. Ноги его были сдвинуты, все тело напряжено, половой член, стоящий вертикально, до половины был погружен во влагалище женщины, сидевшей на корточках. Ноги женщины были широко раздвинуты. Из всей одежды на ней были чулки, прикрепленные к узкому поясу. Правой рукой она направила член в себя. На лице ее была улыбка. На другой изображена стоящая на каком-то возвышении на четвереньках девушка. Сзади нее стоял мужчина и вводил свой член между ее ягодицами. Я сначала была удивлена разве можно не в то отверстие? Но Наташа меня просветила, что в такой позе как раз удобно вводить член именно туда, куда надо. Девушка была очень миловидной и с каким-то неопределенно-трогательным выражением смотрела на стоящего сзади нее юношу, сложением чем-то напоминающего незнакомца. Третья фотография окончательно вогнала меня в краску. На ковре лежала женщина, над ней лицом к ее ногам — на четвереньках — мужчина. Губами он прильнул к лону женщины, а головка его члена была у нее во рту. Выражение неопишуемой страсти было на их лицах. Наташа сказала, что подобные картинки ей знакомы. Я поняла, на что она намекает и пристала к ней, чтобы она рассказала подробности. Рассказ ее произвел на меня необычайное впечатление. С одной стороны действия казались мне страшными, с другой — возбуждали острое любопытство и желание испытать самой это.

В тот день мы долго обсуждали взаимоотношения мужчины и женщины: — я теоретически, а Наташа — с учетом своего практического опыта и поздно разошлись по своим комнатам. Я лежала в темноте с открытыми глазами, передо мной проходили интимные картины. Мысленно я ставила себя на место этих женщин. Между ног стало мокро. Я встала и сняла трусики, чтобы их не испачкать. В этот момент открылась дверь и со свечой в руках вошла Наташа. Ветряной двигатель сломался и света не было.

— Лия, разреши мне полежать с тобой, я никак не могу уснуть, а одной тоскливо.

Я подвинулась, освободив место Наташе, обняла ее и поцеловала. На своих губах я ощутила Наташины слезы.

— Наташа, что с тобой?

— Лия, я больше не могу! Если я как-нибудь не успокоюсь, я просто сойду с ума!

— Что же делать, Наташенька?

— Дай мне твою руку. Потрогай!

Моя рука скользнула между ног. Я провела пальцем, не ощутив никакого сопротивления. Там было скользко, раскрыто и горячо. Наташа всхлипнула.

— Еще, Лия!

Я стала пальцем гладить губки, слегка погружая его во влажную податливую глубину. Тело Наташи напряглось и в такт моим движениям, оно как бы стремилось навстречу пальцу.

— Лия, поглубже, — прошептала Наташа.

Я вся горела, чувствовала как напрягшиеся соски грудей трутся о сорочку. Это меня раздражало. Я сбросила ее с себя и осталась совсем голой. Грудь мою ломило, кровь стучала в висках, рука стала мокрой и от нее исходил волнующий запах. Я скользнула вниз к бедрам Наташи и, широко раздувая ноздри, с наслаждением впитывала в себя этот ни с чем не сравнимый запах. Руками я схватила левую грудь и соском стала водить у Наташи между ног. Острый сосок иногда выскальзывал, задевая жесткие курчавые волоски, что доставляло мне еще большее наслаждение. Наташино тело вздрагивало. Руки ее судорожно комкали горячую простыню.

— Лия, хватит! Я сейчас стану бросаться на стену.

Она встала, нащупала в темноте свечу и зажгла ее. Несколькими мгновениями остановившимися глазами она смотрела на меня и, вдруг, погасив, сунула мне ее в руку. На меня как бы снизошло озарение. Я сразу поняла, чего хочет делать со свечой Наташа. Откусив обгоревший фитилек и придав теплему воску по лукруглую форму, я нащупала вход во влагалище Наташи, осторожно ввела туда конец свечи и стала потихоньку двигать ее там. — Поглубже, попросила Наташа. Свеча уже больше чем наполовину ушла вглубь и встретила легкое сопротивление, Наташа счастливо застонала.

— Еще так, Лия!

Я стала двигать свечу быстрее, еще быстрее так, что движения превратились в судорожную вибрацию. Наташа вздохнула, тело ее расслабилось. Я прекратила двигать свечу.

Подожди, не вынимай, — голос Наташи был чуть слышен.

Прошло несколько минут тишины, нарушенной только нашим учащенным дыханием. Потом я услышала чмоканье — звук извлеченной свечи. Наташа села на кровати и стала осыпать меня поцелуями.

— Хочешь я сделаю тебе такое? — сказала Наташа, проведя рукой по моему животу и потрепав шерстку. Но у меня не было уже сил. Возбуждение прошло. Я чувствовала себя полностью опустошенной. Мы улеглись и скоро спали глубоким сном. Наташа проснулась

первая и разбудила меня. Я сразу вспомнила, чем мы занимались ночью. Наташа почувствовала мое смущение, ласково обняла меня, поцеловала и сказала: — Вставай, дурочка! Целый день я вспоминала, что было у нас ночью, думала о будущих ночах и вообще довела себя до такого состояния, что Наташа поняла все и, в ответ на мой вопрошающий взгляд, обещающе улыбнулась. Перед сном я тщательно вымылась, одела чистую сорочку, надушилась. Вообще готовилась, как невеста в первую брачную ночь. Я первая ушла в свою комнату. Наташа возилась с ракетой, передавая последнюю сводку. Как это будет и, что я при этом буду чувствовать? Наташа постаралась побыстрее управиться и со свечой в руках вошла в мою комнату. — «Наташа, только не надо при свете» — Глупышка, — сказала она и погасила свечу. Руки Наташи нащупали мое тело. Она несколько раз поцеловала меня, проведя тепленьким языком по зубам и деснам. Я еще не умела так целоваться. Погладив меня через сорочку, она опустила брительки и спустила ее до пояса. Горячими руками стала гладить мои груди. Грудь моя гордость. Они высокие, крепкие и всегда останавливали на себе взгляды мужчин. От Наташиных ласк у меня внутри все трепетало. Потянув она сняла с меня сорочку. Я ждала, что будет дальше. Руки Наташи ласкали мое тело, касаясь самых интимных мест. Губами она захватила мой сосок, теребила его и, иногда, легонько покусывала. Потом губы ее перешли на другую грудь, живот, бедра и продолжали медленно бродить по телу, мне было очень приятно. Наташа опустилась перед кроватью на колени, развела мои бедра и, вдруг, поцеловала меня. Я инстинктивно попыталась сдвинуть ноги. Но ее голова не давала. Она поставила мои ступни себе на плечи и губы ее и мои (только не рта) слились вместе. Теплый язык Наташи заскользил, остренько вонзаясь во влажную глубину. Ласка была ни с чем не сравнима, щекотанье языка отзывалось во всем теле, что-то подкатывалось к горлу, как-будто какая-то невидимая нить соединила Наташин язык с моим сердцем. Я замерла, боясь каким-либо неосторожным движением разрушить ощущение блаженства.

— Лиечка, а ты кисленькая. Ах ты моя конфетка! — проговорила Наташа, на мгновение отрываясь от меня. Ее горячее дыхание обжигало меня. Поцелуи продолжались, я уже не могла лежать спокойно, ноги мои судорожно сжимались, мешая ей. Наконец, она от меня оторвалась и села рядом. Я нетерпеливо ждала, Наташа шарилась по столу.

— Холодная, — сказала она и вдруг засмеялась, — сейчас я ее согрею.

Она потянула руку к своим бедрам и, я поняла, где она согревала. И вот теплый скользкий конец коснулся меня и плавно

скользнул внутрь. Свеча двигалась, но ожидаемого удовольствия почему-то не доставляла. Она была твердая, неподатливая и больно упиралась во что-то. По напряженному телу Наташа поняла, что мне больно. Я сделала движение и освободилась от све — чи.

— Миленькая, — сказала Наташа, — ты же не проснулась еще для этого, бедненькая моя, один раз в пьяном виде, что было у тебя с Толькой, можно не считать.

— Ну ничего, я попробую помочь тебе по другому.

Она опять стала меня целовать и гладить и, когда почувствовала, что у меня опять между ног мокро, ввела туда палец. Палец нежно касался разных уголков внутри меня, был гибким и понимающим. Наташа время от времени справлялась у меня:

— Так хорошо?

И получив утвердительный ответ продолжала. Снова теплая волна прошла через мое тело. Бедра мои то разжимались, то сжимались, и вдруг что-то теплое, как мне показалось, потекло у меня внутри живота, сладкая судорога прошла по моему телу, я вскрикнула и застонала, потом обессиленная и пустая распрос — терлась на кровати. Наташа укрыла меня одеялом и, через мину — ту, я спала.

Девушки кто хочет любви, ласки, секса или вирта пишите в аську 371004004.